

Шелекета В.О.*

**ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ НАРРАТИВОВ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА: ЕДИНСТВО
СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Sheleketa V.O.

**PROBLEMS OF LINGUOCULTUROLOGICAL RESEARCH OF
NARRATIVES IN THE CONTEXT OF KNOWLEDGE
FORMATION: THE UNITY OF PHILOSOPHICAL
AND PSYCHOLOGICAL SCIENCES**

Аннотация. В статье в контексте дискурсивных практик, создающих нарративы как устойчивые психолингвистические лингвокультурологические паттерны коммуникации, а также на пространстве различных форм языковых и неязыковых знаний анализируется единство психологического и философского знания в свете современной постнеклассической методологии. Функционально-семантическое поле рассматривается как группировка лексических, смысловых и грамматических единиц, выступающих как «матрицы» для классификаций, смыслов и значений, составляющих ядро мировоззрения как отдельного человека, так и эпохи. В этом смысле реальность, осмысливаемая в языке, согласно приводимой позиции предстает как поле для коммуникации, в процес-

* © Шелекета Владислав Олегович – доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия (vladshelo@mail.ru).

Sheleketa Vladislav O. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhova, Belgorod, Russia (vladshelo@mail.ru).

се которой обозначаются культурные коды нации и человека в пространстве определенной культуры. Лингвистическое знание представлено в значениях слов в виде отдельных семантических компонентов. Также рассматривается феномен «языковая картина мира» как образующий мировоззрение эпохи посредством языковых единиц. В рамках анализа концептуальной картины мира показывается, каким образом и в какой степени лингвокультурология связана с этнолингвистикой и социоллингвистикой.

В статье с помощью применения методологии лингвокультурологии, этнолингвистики и социоллингвистики доказывается вывод, что философские, т.е. наиболее универсальные представления о мире, обществе и человеке неразрывно связаны с языковыми закономерностями и общекультурным фоном, что является демонстрацией укорененности междисциплинарного подхода в рамках современного науковедения. В данном случае имеется в виду лингвокультурный код. Автор приходит к заключению: дискурсы как особые ментальные образования, где переплетаются язык и универсальные значения, являются своеобразным полем формирования и функционирования языковых паттернов, а также «семиосферы».

Ключевые слова: культурные нарративы; лингвокультурология; языковая картина мира; семиосфера; научное мировоззрение; дискурсы; взаимодействие научных дискурсов.

Abstract. In the article, in the context of discursive practices that create narratives as stable psycholinguistic linguoculturological patterns of communication, as well as in the space of various forms of linguistic and non-linguistic knowledge, the unity of psychological and philosophical knowledge is analyzed. The functional-semantic field is considered as a grouping of lexical, semantic and grammatical units, acting as a «matrix» for classifications, sense and meanings that make up the core of the worldview, both of an individual and of an era. In this sense, the reality comprehended in the language, according to the given position, appears as a field for communication, in the process of which the cultural codes of the nation and the person are designated in the space of a certain culture. Linguistic knowledge is represented in the meanings of words in the form of separate semantic components. The phenomenon of «linguistic picture of the world» is also considered as

forming the worldview of the era through linguistic units. As part of the analysis of the conceptual picture of the world, it is shown how and to what extent linguoculturology is connected with ethnolinguistics and sociolinguistics.

Using the methodology of linguoculturology, ethnolinguistics and sociolinguistics, the article proves the conclusion that philosophical, i.e. the most universal ideas about the world, society and man are inextricably intertwined with linguistic patterns and general cultural background. In this case, we mean the linguocultural code. The author comes to the conclusion: discourses as special mental formations, in which language and universal meanings are intertwined, are a kind of field for the formation and functioning of language patterns, as well as the «semiosphere».

Keywords: cultural narratives; linguoculturology; language picture of the world; semiosphere; scientific worldview; discourses.

Введение

Проблема наличия связи между культурой и языком вызывает большой интерес в рамках рассмотрения принципов сближения наук. Этот вопрос весьма актуален, так как многие ученые по-разному трактуют само понятие культуры и языковых практик. Кроме того, здесь могут проясняться понятия философского дискурса – нарратива – выражения как научного, так и языкового мировоззрения.

По сути, анализ языковых единиц с целью выявления культурной ментальности раскрывает специфику языка и помогает расшифровать культурный код. Так опознается структура «языковой личности» – по тому, что способствует формированию матрицы взаимодействия языка и культуры – лингвокультурного кода. Существование лингвокультурного кода обусловлено тесными связями, соединяющими язык и культуру. Это объясняется тем, что и те и другие образуют «семиотическую реальность» [Маковский, 1996] и функционируют в одном и том же «семиозисном пространстве» [там же]. «Язык в этом отношении есть функция, сгусток семиотического пространства» [там же]. Итак, в семиотическом пространстве как едином механизме и канале коммуникации существует некий лингвокультурный код, под которым пони-

мается система культурно-языковых соответствий. Здесь более рельефно выступает междисциплинарность в пространстве взаимодействия различных гуманитарных наук.

После так называемого лингвистического поворота в философско-психологических исследованиях появилась тенденция рассматривать факты действительности как выражение или даже «представление» дискурсивных механизмов [Копосов, 1997, с. 37]. Теоретико-методологическую основу лингвистического поворота заложила аналитическая философия, отождествившая реальность и текст и сместившая фокус внимания исследователей с анализа ценностей и норм на проблемы производства и продуцирования смыслов. В результате «текстолингвистическая парадигма... сместила центр тяжести исследования с массовых явлений на отдельные или единичные образования» [Леонтьев, 1997, с. 58–60]. Как отмечает Р. Замалетдинов, практически в любых проявлениях человеческая природа интересна исследователю, рано или поздно он окажется перед изучением проблем, связанных с «языком и общением» [Замалетдинов, 2004, с. 86]. Вероятно, это сопряжено с интересом к проблеме адекватности вербализации мысли.

Проблема взаимодействия языка, культуры и сознания в различных теоретико-методологических подходах

В лингвокультурологической научной традиции существует парадигма, заложенная еще К. Леви-Строссом. Он применил принципы лингвистики к анализу социальных отношений, сделав «лингвистическую аналогию» важнейшим инструментом антропологического анализа поведения и социальных смыслов. В этом проявляется и принцип единства научных дискурсов. Леви-Стросс также впервые осуществил структурный анализ нарратива: рассматривая мифы как вариации нескольких основных тем, которые можно свести к некой универсальной структуре, он анализировал не нарративное содержание мифа как его главный элемент, а универсальные психические операции классификации и организации действительности, обнаруженные в рамках изучаемых им первобытных культур. При этом образ читателя, будучи лишь «функцией текста», в идеале структуралистского подхода должен обладать такими универсальными характеристиками, как отсутствие стату-

са, пола, принадлежность к какому-либо классу, отсутствие этнической или культурной принадлежности [Воробьева, 1999]. Даже литературное произведение с позиции структурализма оценивается не с точки зрения его возможных смысловых интерпретаций, а лишь как индивидуальное воплощение универсальных нарративных законов.

Некоторые современные исследователи, изучая вопросы взаимодействия языка и культуры [Петров, Герасимов, 1988], предлагают в качестве единицы исследования *архикультурему*, т.е. лексическую единицу с культуросодержащей смысловой частью. В качестве метода исследования рассматривается формирование семантического поля вокруг таких единиц. Единицы семантического поля раскрывают содержание архетипичных культурных кодов и могут в свою очередь формировать свои микрополя лексических и культурных значений. Такой подход требует выделения духовных ценностей и опыта языковой личности, эта задача вряд ли имеет отношение к чистой филологии, скорее она относится к этнокультурным, этнопсихологическим или даже философским исследованиям. Если в центре внимания находятся языковые единицы как изучаемые и исследуемые, то они подлежат анализу на предмет их принадлежности к культурологическим элементам. Поэтому неправильной представляется позиция, когда лингвокультурный код, как, например, в интерпретации В.В. Воробьева, сужается до анализа исключительно лексических единиц.

А. Вежбицкая отмечает: «Языковая и культурная системы в значительной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общую понятийную основу, на которой базируются человеческий язык, менталитет и культура» [Петров, Герасимов, 1988, с. 6]. Эта интерпретация также отражает философское мировоззрение как ориентированное на некие универсалии бытия, отражающие наиболее фундаментальные характеристики предмета или явления. В этом плане семиотический код культурных универсалий и других понятий демонстрирует наличие неких универсальных матриц восприятия действительности. Они, с одной стороны, напоминают «априорные» в теории Канта, а с другой – являются попыткой объяснить наличие некоторых первичных структур в культуре и сознании средствами лингвистики и культурологических теорий.

Это тоже напоминает структурализм М. Фуко и К. Леви-Стросса, которые раскрывали основные структуры мышления и языка.

Согласно определениям, данным в рамках лингвистической парадигмы, значение слова рассматривается не только как «значение как отражение действительности» и «значение как элемент семантической системы языка», но и как «значение, как явление, определяемое человеком и обществом». То есть наглядно проступают психологический, лингвистический и социокультурный слои в самой картине реальности как знания о мире. Каждая из этих трех основ в свою очередь представляет тесный конгломерат многих проблем, переплетенных между собой. Реальность отражается в значении слова как в логико-предметном аспекте (обобщенный характер отражения действительности, сигнификат, денотат), так и в психологическом аспекте (значение слова отождествляется не с конкретным предметом, а с представлением об этом) [Вежбицкая, 1999].

«Социально-конструктивистский» подход определяет человеческое сознание как некое личностное самополагание, организованное по правилам художественного текста. Например, Дж. Брунер выделяет два модуса сознания [Сапир, 1993, с. 44]: нарративный модус самосознания отражает жизненный контекст и уникальный индивидуальный опыт; парадигматический, или логико-научный, общечеловеческий модус – это форма нарратива, выработанная в ходе культурного развития человечества и приспособленная к межличностному общению. Выделяют следующие нарративные структуры культуры: «комедия» (победа жизни над смертью снимает социальные условности, подавляющие желание), «романтика» (идеализирует традиции и прошлое), «трагедия» (показывает падение героя или его изгнание из общества), «ирония» (подвергает сомнению предыдущие варианты повествовательных структур, когда они не выполняют задачу построения жизненных целей).

Взаимодействие языковых и неязыковых знаний, языкового и неязыкового содержания нашего сознания происходит в процессе словесно-мыслительной деятельности, в процессе формирования (кодирования) и осмысления (декодирования) словесного значения фразы. В речи «лексическое значение используется для организации и передачи экстралингвистической семантики, опре-

деленного сообщения; именно в речи оно наполняется определенным смыслом, т.е. вызывает в нашем сознании соответствующее ему понятие и связанное с ним знание о предмете или явлении действительности». Здесь можно использовать понятие из философии постмодернизма – «нарратив». Нарративность, как известно, также предопределяема личной историей как определенным дискурсом. Человек создает личной историей свой нарратив как историю своего опыта чисто психологического характера. В отличие от дискурсов, представляющих собой ментальную и нередко довербальную модель интеграции в социокультурную реальность, личностные нарративы предопределяют модели как восприятия, так и поведения.

Актуальным является вопрос о взаимодействии языкового и неязыкового значения в пределах научного дискурса и об отношении языкового значения к лингвистическому значению слова. «Есть у слова значение и знание о мире. Знания о мире включают в себя научные, обыденные, энциклопедические знания. Языковое знание о мире противопоставляется неязыковому знанию, т.е. знанию, существующему в сознании в его неязыковой форме. Лингвистическое знание представлено в значениях слов в виде отдельных семантических компонентов, а неязыковое – не образует никаких компонентов в значениях слов. Неязыковые знания хранятся в сознании человека в чувственно-наглядной форме» [Сапир, 1993].

Изучая проблемы связи психологического и лингвистического в контексте психолингвистических исследований, Н. Хомский создал модель, которую назвал «трансформационной порождающей грамматикой». Согласно этой теории, каждое высказывание имеет поверхностную и глубокую структуру. Хомский считает, что каждый текст можно трансформировать, сведя к этой глубинной структуре [Хомский, 2018]. Эта теория логично объединяет представления о психологическом аспекте мышления и грамматических категориях. Следует отметить, что необходимым элементом этой схемы является звено, характеризующее предмет или отношения, т.е. сводится к этой глубинной структуре [там же].

Функционально-семантическое поле есть группировка лексических и грамматических единиц, которая основана на определенной категории, а также различных смешанных лингвистиче-

ских признаках, взаимодействующих между собой в своих семантических функциях. При изучении этого вопроса в грамматике основным методологическим подходом выступает методология системного анализа. Семантическое поле рассматривается как система, выявляется его структура, интерпретируется содержание, изучаются системные взаимосвязи функционально-смысловых полей, определяется системная организация.

В современной лингвистической науке много внимания уделяется сопоставлению структур функционально-семантического поля. В предложениях (высказываниях) основное значение «обогащается, конкретизируется, дифференцируется различными дополнительными модальными значениями или оттенками» [Караулов, 1999, с. 78], что предопределяет наличие перекрывающихся межполевых смыслов.

Эти факторы способствуют формированию нарратива как определенного контекста всех явлений сознания и культуры. Таким образом, мы можем говорить о культурных нарративах. «В своем общепринятом и обобщенном смысле нарратив – это имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством». Наш локальный репертуар нарративных форм переплетается с более широким культурным набором дискурсивных порядков [Брокмейер, Харре, 2000, с. 29].

Обобщая изложенные выше позиции, можно прийти к выводу: в каждом языке существуют определенные способы отражения действительности в определенном этнокультурном окружении, в результате чего носители разных языков воспринимают действительность по-своему, через призму своего языка и в то же время через универсальный для этого социума способ восприятия действительности.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что язык является важнейшим средством формирования и накопления знаний человека о мире. Пока человек фиксирует результаты познания в языке, объективный мир отражается в результате этой деятельности в психике человека. Языковая картина мира является в свою очередь результатом обработки информации о положении

человека в мире. Ю.Н. Караулов справедливо указывает, что семантически все компоненты, их набор и объяснение их значений не должны выходить за пределы понимания обычного носителя языка, чтобы была достижима цель такого описания, так как оно должно быть ориентировано прежде всего на человека. Человека – носителя и пользователя языка [Караулов, 1987]. Таким образом, мировоззрение имеет особенность – постижения общего смысла действительности на основе нерасчлененного единства психологического и лингвистического. Этот момент требует более подробного рассмотрения в контексте проблемы мировоззрения и языка.

Проблема взаимосвязи мировоззрения и языка в рамках лингвокультурологического научного подхода

Хотя мыслительный процесс вне языка невозможен, так как он является одной из сущностей мыслительно-языкового комплекса наряду с сознанием и языком, мировоззрение все же можно считать психическим (психологическим) образованием. Базовыми элементами мировоззрения являются различные составляющие определенной информационной целостности. Мировоззрение находит свое выражение в языке, жестах, изобразительном искусстве, религиозных обрядах и предметах быта, этикете, а также в социокультурных стереотипах, моде, одежде, способах ведения хозяйства и развития технологий в определенном социокультурном пространстве.

В новых исследованиях в рамках лингвистики закрепилось понятие «языковая картина мира». Лингвокультурология изучает языковую картину мира определенного народа, нации, что позволяет исследовать не только язык, но и исторические, культурные и другие слои социально-культурной реальности этого народа. Здесь язык не только функционирует как средство общения, но позиционируется как культурный код нации [Золотых, 2006]. В последних исследованиях в связи с расширением термина «мировоззрение» большое внимание уделяется его различным интерпретациям, видам и характеристикам, а также компонентам, из которых состоит каждое личное мировоззрение.

Если мы сосредоточимся на различиях между мировоззрением вообще и языковым мировоззрением в частности, то обнару-

жим, что функции связи объяснения и интерпретации мира выполняет картина мира. Так, поскольку мир есть акт взаимодействия человека с окружающей средой, то способ отражения мира в сознании человека, внутренние представления о мире, сведения о человеке и окружающем мире, – все эти данные, закрепленные в языке, фиксируются и в языковой картине мира. Нарратив в этом контексте предстает как особая гносеологическая форма, в рамках которой окружающий мир может быть исследован человеком через повествование, как некий рассказ о мире.

На философском уровне рассмотрения язык, помогая эксплицировать внутреннее состояние, настроен на улавливание сути первичных переживаний, которые демонстрирует в своем содержании жизненное единство переживания. В тот момент, когда мы воспринимаем какое-либо событие своей отражающей системой, мы не дифференцируем в эпистемологическом свете это событие, а воспринимаем его как нечто случающееся. То есть не замечаем переход от события и его осмысления в некой длительности познавательного процесса. А иначе событие всегда здесь и сейчас, оно действительно, как говорил Хайдеггер, открывается.

Существуют, как представляется, некие архетипические или просто типические универсальные лексические, логические либо ментальные образования, которые формируют общее социолингвopsихологическое пространство. Сходным образованием является картина мира – личная или «общая».

Создание картины мира является первостепенной задачей познания человеком окружающего мира. Ресурсами для ее реализации могут быть следующие знания: 1) «аборигенные» – на уровне знаний, приобретенных при рождении, они мало чем отличаются от животных инстинктов; 2) приобретенные человеком в процессе его практической деятельности, – опыт интеграции в среду и общество; 3) полученные из текстов, культуры в целом, т.е. из источников, которые человек воспринимает на протяжении всей своей жизни; 4) сформированные в результате собственной мыслительной деятельности; 5) передаваемые средствами родного языка, – «когнитивное наследие, обеспечиваемое этносом» [Морковкин, 1997, с. 32–43]. Это моментально провоцирует аллюзии на теорию коллективного бессознательного К. Юнга, на постмодернистский «текстовый» мир и деятельность концепцию сознания.

На основании вышеперечисленных источников можно сделать вывод, что мировоззрение как отдельного человека, так и общества строится на основе информации о мире, полученной из разных источников и разными способами. Лингвистическая картина мира, напротив, основывается только на знаниях, передаваемых родным языком, в его категориях и единицах. Тем не менее следует учитывать, что любое знание, которым обладает языковая личность, так или иначе обусловлено языком, который одновременно использует и формирует повествование. Нарратив в этом контексте предстает как особая гносеологическая форма, в ее рамках окружающий мир может быть исследован человеком только через повествование, через рассказы о чем-либо (мифологию и т.п.).

Заключение

Исходя из основной идеи – рассмотрения языка с точки зрения единства лингвокультурологического и философско-психологического аспектов, – следует отметить, что в качестве одной из основных категорий мировоззрения используется понятие «картина мира». Психологический анализ этих образований неотделим от анализа, проводимого в рамках социально-гуманитарных наук. В анализе концептуальной картины мира лингвокультурология тесно связана с языковыми философскими практиками, являющимися ее теоретической и методологической основой в силу их более раннего появления, что в свою очередь демонстрирует единство научных дискурсов.

Культура каждого народа есть результат его материальной и духовной деятельности, протекающей через его историю и передаваемой из поколения в поколение, что находит свое отражение в быту либо в особенностях культурной, ритуальной и мифологической составляющих жизни. В результате он передает картину мира как представления носителей определенной культуры.

В качестве фактора языковых различий можно рассматривать сам процесс познания, которому свойственна субъективность, обусловленная тем, что каждый индивид по-своему воспринимает окружающий мир, что в свою очередь проступает в различиях языкового сознания. Одни и те же предметы или явления могут по-разному восприниматься разными людьми, так как существуют

разнообразные цели познания, вследствие чего предмет познания или определенное явление часто могут найти уникальное применение в зависимости от того, кто и каким образом его использует. Каждый этнос имеет свои характерные средства выражения понятий и представлений, которые дифференцируют культурные миры.

При этом внешний мир, в который погружен человек, должен быть подвергнут семиотизации, т.е. разделен на область объектов, каждый из которых имеет свое значение, что-то символизирует или на что-то указывает, и область объектов, которые представляются исключительно сами себе, чтобы стать фактором культуры. Кроме того, представления о чужом национальном менталитете и характере, т.е. об эмоциях и средствах их выражения, нравственных приоритетах и других особенностях, получают выражение через лексическую систему своего языка.

В целом, анализируя взгляд человека на окружающий мир, мы должны осознавать, что он формируется посредством субъективного познания, язык интерпретирует это познание, а человек воспроизводит это познание как реальность мира, выражая в социальных гуманитарных науках. Язык при этом не является простым зеркалом мира и фиксирует не только то, что было воспринято, но и то, что осмыслено, понято, т.е. интерпретировано *человеком*. Иными словами, в каждом естественном (этническом) языке находит свое отражение определенное специфичное мировоззрение, выражающее характерный для него способ организации и восприятия действительности. Носитель языка, будучи *языковой личностью*, формирует содержание высказывания в соответствии с языковой картиной мира, которая представляет собой особый способ восприятия мира, закрепленный в языковом слое.

В то же время можно сказать, что философские, т.е. наиболее универсальные представления о мире, обществе и человеке неразрывно переплетены с языковыми закономерностями и общекультурным фоном. Семиосфера представлена определенными структурными установками общественного сознания и культуры, заложенными в языке как семантические структуры. Эти понятия по своему онтологическому содержанию совпадают с понятием нарратива. Нарратив как некий рассказ содержит дискурсы – психологический и языковой, которые в свою очередь являются своеобразным полем формирования и функционирования некоторых

(любых) языковых паттернов и языкового и смыслового пространства (семиосферы) в целом.

Таким образом, рассмотренные выше образования, имеют культурные нарративные характеристики. Они одновременно чрезвычайно архаичны, отстоят от нас во временном отношении чрезвычайно далеко, теряясь во времени, но одновременно очень близки нашему сознанию, локализуясь в языке, семантическом поле в целом, показывая глубинное дискурсивное единство социальных и психологических наук.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Избранные произведения. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив : проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.

Вежибцкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева ; под ред. Т.В. Булыгиной. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.

Виноградов В.В. Язык Пушкина : Пушкин и история русского литературного языка. – Москва : Наука, 2000. – 509 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – Москва : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

Воробьева А.В. Текст или реальность : постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. – 1999. – № 3–4. – С. 90–98.

Журавлев В.Ф. Анализ общения в качественном интервью // Социология : методология, методы, математическое моделирование. – 1996. – № 7. – С. 81–102.

Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02. – Казань, 2004. – 500 с.

Золотых Л.Г. Мировоззрение – модель мира – образ мира : проблема соотношения категорий в идиоматике // Гуманитарные исследования : Журнал фундаментальных и прикладных наук. – 2006. – № 3 (19). – С. 46–52.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – Москва : РЛИ РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

Караулов Ю.Н. Общая идеография и русская идеография. – Москва : Наука, 1976. – 368 с.

Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.

Копосов Н.Е. Замкнутая вселенная символов : история языковой парадигмы // Социологический журнал. – 1997. – № 4. – С. 33–47.

Корнилов О.А. Лингвистические картины мира как производные от национальных менталитетов. – Москва : ЧеРо, 2003. – 326 с.

Кузнецов А.М. Антропология и антропологический поворот современного социально-гуманитарного знания // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2, вып. 1 (2). – С. 49–67.

Леонтьев А.А. Психология общения. – Москва : Смысл, 1997. – 365 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

Маковский М.М. Язык-миф-культура : Символы жизни и жизнь символов. – Москва : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. – 329 с.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. – Москва : Государственный ин-т им. А.С. Пушкина : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1997. – 414 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва : Русский язык, 1985. – 797 с.

Орлова Е.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – Москва : Изд-во МСИК, 1994. – 214 с.

Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 5–11.

Романова И.А. Основные направления исследования самопонимания // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 103–111.

Сапир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Москва : Прогресс, 1993. – 656 с.

Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в ходе работы над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.

Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий : Эволюция и язык. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 304 с.

Longman grammar of spoken and written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – London : Longman Pearson Education Limited, 2000. – XXVIII + 1204 p.

References

Apresyan Yu.D. Selected works. Integral description of the language and system lexicography. – Moscow : School «Languages of Russian Culture», 1995. – Vol. 2. – 767 p. (in Russ.).

Brockmeyer J., Harre R. Narrative : problems and promises of one alternative paradigm // Problems of Philosophy. – 2000. – N 3. – P. 29–43 (in Russ.).

Chomsky M. Speak like a human being. Evolution and language. – Saint-Petersburg : Piter, 2018. – 304 p. (in Russ.).

Gerasimov V.I., Petrov V.V. On the way to a cognitive model of language // New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language. – Moscow : Progress, 1988. – Iss. 23. – P. 5–11. (in Russ.).

Karasik V.I. Language circle : personality, concepts, discourse. – Volgograd : Change, 2002. – 331 p. (in Russ.).

Karaulov Yu.N. Active grammar and associative-verbal network. – Moscow : RLI RAN, 1999. – 180 p. (in Russ.).

Karaulov Yu.N. General ideography and Russian ideography. – Moscow : Nauka, 1976. – 368 p. (in Russ.).

Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. – Moscow : Nauka, 1987. – 261 p. (in Russ.).

Koposov N.E. A closed universe of symbols : the history of the language paradigm // Sociological journal. – 1997. – N 4. – P. 33–47 (in Russ.).

Kornilov O.A. Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities. – Moscow : CheRo, 2003. – 326 p. (in Russ.).

Kuznetsov A.M. Anthropology and the anthropological turn of modern social and humanitarian knowledge // Personality. Culture. Society. – 2000. – Vol. 2, N 1 (2). – P. 49–67. (in Russ.).

Leontiev A.A. Psychology of communication. – Moscow : Meaning, 1997. – 365 p. (in Russ.).

Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – London : Longman Pearson Education Limited, 2000. – XXVIII + 1204 p.

Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds. Man-text-semiosphere-history. – Moscow : Languages of Russian culture, 1999. – 464 p. (in Russ.).

Makovsky M.M. Language-Myth-Culture. Symbols of life and life of symbols. – Moscow : Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov RAS, 1996. – 329 p. (in Russ.).

Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russian agonyms. – Moscow : State Institute named after A.S. Pushkin : Institute of the Russian Language. named after V.V. Vinogradov RAS, 1997. – 414 p. (in Russ.).

Orlova E.A. Introduction to social and cultural anthropology. – Moscow : Publishing House of MSIK, 1994. – 214 p. (in Russ.).

Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. N.Yu. Shvedova. – Moscow : Russian language, 1985. – 797 p. (in Russ.).

Romanova I.A. The main directions of the study of self-understanding in foreign psychology // Psychological journal. – 2001. – N 1. – P. 103–111 (in Russ.).

Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies. – Moscow : Progress, 1993. – 656 p.

Shvedova N.Yu. Theoretical results obtained in the course of work on the «Russian Semantic Dictionary» // Problems of Linguistics. – 1999. – N 1. – P. 3–16 (in Russ.).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture. – Moscow : Indric, 2005. – 1040 p. (in Russ.).

Vezhbitskaya A. Semantic universals and description of languages / transl. from English A.D. Shmelev ; ed. T.V. Buligina. – Moscow : Languages of Russian Culture, 1999. – 780 p. (in Russ.).

Vinogradov V.V. Pushkin's language : Pushkin and the history of the Russian literary language. – Moscow : Nauka, 2000. – 509 p.

Vorobieva A.V. Text or reality : poststructuralism in the sociology of knowledge // Journal of sociology. – 1999. – N 3–4. – P. 90–98 (in Russ.).

Vorobyov V.V. Lingvoculturology (theory and methods). – Moscow : Publishing House of RUDN University, 1997. – 331 p. (in Russ.).

Zamaletdinov R.R. National-linguistic picture of the Tatar world : dis. ... Dr. Philol. Sciences : 10.02.02. – Kazan, 2004. – 500 p. (in Russ.).

Zhuravlev V.F. Analysis of communication in a qualitative interview // Sociology : methodology, methods, mathematical modeling. – 1996. – N 7. – P. 81–102 (in Russ.).

Zolotykh, L.G. Worldview – a model of the world – the image of the world : the problem of the correlation of categories in idiomatics // Humanitarian research. Journal of Fundamental and Applied Sciences. – 2006. – N 3 (19). – P. 46–52 (in Russ.).